

ГОША ПРОК

**ТЕПЕРЬ
ТЫ САМ...**

ПОПАДАНЕЦ В ПРОШЛОЕ

ПРОТИВ КРИМИНАЛА И СПЕЦСЛУЖБ

18+

Гоша Прок

Теперь ты сам

<https://litres.ru/73884794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1994 год.

Он умер в 2024 году. И проснулся в теле другого человека в Москве 1994-го. Для него каждый день проходит под угрозой смерти, но он продолжает бешено сопротивляться нападкам. Перенесенный не может вмешаться в поступки нового «Я», только наблюдает, как безмерный страх, горячая кровь и холодный город переписывают судьбу, создают нового героя.

Владимир - обычный, слабый человек втянут в опасную игру вокруг видеокассеты, за которой охотятся криминальные группировки. Его преследуют, пытаются убить, и за несколько дней он становится готовым к жестоким событиям, где цена ошибки - жизнь. Это система, где слабость смертельно опасна, а выживание - форма морали. Внутри Владимира наблюдатель из 2024 года каждую ночь размышляет о московских девяностых, страхе, случайности и человеческом выборе.

В финале личность Владимира исчезает, и внутренний свидетель остается один в чужом теле и чужом времени. Фраза «Теперь ты сам» становится точкой перехода и обещанием продолжения истории.

Содержание

Глава	4
МАЛЕНЬКИЙ ПРОЛОГ. МОСКВА 2024	5
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	10
ДЕНЬ ВТОРОЙ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Теперь ты сам

Глава

МАЛЕНЬКИЙ ПРОЛОГ. МОСКВА 2024

Умирать в больнице - занятие неблагодарное. Ты уже никому не нужен, но вокруг тебя всё ещё много людей, которые делают вид, что ты важен. Они меряют давление, поправляют простыни, спрашивают, не болит ли. Болеть, впрочем, уже нечему - всё, что могло болеть, болело раньше.

Мне девяносто четыре. Возраст такой, что смерть уже не кажется трагедией - скорее сменой расписания. Я лежал и думал о том, что странно: всю жизнь боялся умереть, а теперь боюсь не успеть закончить одну мысль. Это не дело. Мысль должна быть завершённой, даже если тело - нет.

Москва за окном была тихая, аккуратная, почти стерильная. Такая, какой она стала за последние лет двадцать: с ровными тротуарами, правильными вывесками и людьми, которые смотрят в телефоны чаще, чем друг на друга. Я эту Москву знал, но она была мне уже чужая. Как город, в котором ты когда-то жил, а потом приезжаешь на юбилей - вроде всё знакомо, а поговорить не с кем.

Черное дуло пистолета смотрело мне прямо в переносицу. Сам пистолет я не слишком различал – старость не радость, слаб глазами стал, да еще спросонья. На душе особенно паршиво, даже по сравнению с обычным. В голове что-то бухает,

в груди покряхтывает, мочевой почти лопается, но я знаю, что сам пописать (по-научному – помочиться) не смогу, придется ждать катетер. Прищурился и опознал пистолетчицу.

- Мариша, перестань пугать, дай хоть выспаться...

- Ну уж нет, Игорь Павлович, по времени Вы вполне можете быть обследованы согласно протоколу. Так что и давление зафиксируем, и общее состояние.

Мариша вообще-то медсестра, а в руке у нее дистанционный термометр, а уж что мне привиделось, вопрос ко мне, а не к ней. И вообще, все вопросы – к дежурному доктору, так положено. А я лежу в кардиологии большого больничного комплекса и, судя по моим ощущениям, и по лицам всего больничного персонала без исключения, готовлюсь в обозримом будущем покинуть эту грешную юдоль. А попросту – перейти в мир иной. Ну, столько лет оттоптал по твердой земле, пора и честь знать...

Интересно, конечно, какой он – этот иной, но я не тороплюсь – здесь, хоть и неприятно, но как-то привычнее. Делаю глубокий вдох, чтобы отпустить Марише дежурный комплимент, типа «Вы как бравая амазонка, с пистолетом в руке захватываете в плен мужские сердца». Но выдоха не получается – воздух вдруг заполняет всё тело, которое как воздушный шарик, взлетает в некие выси, не оставляя от меня ни клеточки, а только мысли и воспоминания. Ну-ка, ну-ка, по-ха-ли...

... И тут я почувствовал тело. Не своё.

Тело было настоящее, тяжёлое, уставшее, но живое. В нём что-то болело, но боль была не старческая - резкая, рабочая, честная. Я попытался пошевелиться - не получилось. Это меня испугало.

Я был не один.

В теле был ещё кто-то. Хозяин тела. Этого тела. Настоящий, первичный. Мужчина лет сорока с лишним. Владимир. Я ещё не знал имени, но чувствовал его - как чувствуют человека, рядом с которым сидят в темноте. Не видишь, но знаешь: он здесь.

Я понял главное почти сразу: я не могу ничего сделать. Я могу только смотреть.

Так начинается не новая жизнь. Так начинается наблюдение.

Хм, а что ж так не традиционно – ни ангелов, ни кого еще, туннеля не видно, да и тело вполне ощутимо. Мало того, тело это в центре физических воздействий – бьют меня по морде лица и пинают коленями в пах и ноги. Что за хрень? Ха, а я еще и отбиваюсь, вот кому-то кулаком в зубы угодил – самому больно.

Мотаю головой, открываю глаза (левый не очень открывается) – а на меня два бомжа или гопника, градация очень смазанная, пошатываясь, пытаются наскочить как молодые петушки.

- Сука, бабки гони!

- Убьем без жалости!

- Ты где живешь, пошли к тебе, всё сами возьмем!

Ну, и прочий классический бедлам. А я, вроде и не пьян, во всяком случае – не помню такого, рефлексy в порядке (наверно) и тело не связано алкоголем.

Да что там не связано – оно вообще как у молодого! Де-вяносто четыре – это почти паралич, скрипящие колени, замедленные рефлексy, не говоря уже о проблемах с почками, печенью, желудком и прочей требухой. А тут – аж молоденький и здоровенький. Чудеса...

Но какой бы здоровенький ни был, а драться я не настроен, поэтому агрессивно разворачиваюсь и мужественно драпаю, что есть сил в ногах. А сил оказалось достаточно, чтобы оставить далеко позади эту парочку, и за углом дома перейти на быстрый шаг.

Вот теперь давай-ка решим, что тут творится при моем непосредственном участии. На первый взгляд – я попаданец пока незнамо в кого и куда. Тело не слишком молодое, лет 35-40, но достаточно здоровое. И, в отличие от трафаретов попаданческой литературы (грешен, увлекаюсь), это тело не было мертвым в момент моего попадания.

- Эй, тело, - шепчу я сам себе, - слышь, ты кто?

Лучше бы я этого не делал. Или делал, но как-то понежнее, что ли... Потому что как с неба цистерна воды на меня рухнула – так и бьет по голове и плечам, не дает продохнуть, шатает и мотает. Мгновенно осознаю себя зрителем, поглощающим запоем текстy пятидесяти книг разных жанров, ко-

торые звучат одновременно через пятьдесят колонок, стоящих вдоль стены от пола до потолка.

– Эй, - кричу я, - тпру, стоять, заткнись, алярм, пошел нах, щас в морду...

И поток прекращается, словно обрезали. Кажется, в голове что-то осталось, но пока не разложилось по кучкам – если вообще когда-то разложится.

Но я словно слышу что-то, похожее на голос – незнамо чей и как:

- Пока я у руля, сиди, не дергайся. Будет время, поменяемся.

Вот это поворот! А где же выселение прежнего хозяина? Где временная симуляция амнезии? Где рояли, сверкающие свежим лаком, решающие за меня сотни проблем с прошлым и будущим? Ах, сегодня не завезли, понятно, а когда теперь новое поступление? Как, как вы сказали? Жэ Пэ? Понятно, спасибо. Жизнь покажет, значит.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Чтобы не путаться, где мои мысли, а где тоже мои, но из нового тела, буду свои изначальные, из бывшего 2024-го, обозначать так: ИП: и далее, пока не скажу, чего хотел. А то, что творит или думает это тело, будем относить на его счет – Владимира (В). Если, конечно, будут возникать непонятки с идентификацией.

Ну, погнали.

ИП: Как сказал мне мой новый внутренний голос, я сейчас на роли зрителя, который театр смотрит, но изменить не может. Ну и ладно, не очень-то и стремлюсь. Во всяком случае, пока не опознал, кто я и где, а также в какие годы. Хотя, больше всего похоже на уже пережитое – Москва, девяностые. Так примерно 94-96. Ну, кажется так. А точнее попозже пойму, это не так важно.

В: Я такой же, как вы – простой и незамысловатый. Родился, учился, пытался работать, а еще лучше – заработать. Но, как и у вас, ничего пока не получается. Может, в отличие от вас, я немного стал сдавать после 35, когда развелся, оставив Машке с Димулей и Жанночкой все, что имел. Конечно, чего считаться, мужик я здоровый, заработаю, комнату сниму, на рынок выйду – времена были для челноков денежные. Правда, стать челноком я решился далеко не сразу, это женщины легко от профессии отказываются и пере-

учиваются на кого хошь – хоть на бухгалтера, хоть на стриптизершу. А мальчиков советская власть воспитывала человеком мастеровым, профессия дороже всего была. Но победил я себя, съездил пару раз в Турцию в большой компании, при своих остался, а прибыли нет.

Снова пытался, жительство сменил, друзей пройдошливых завел, но они одеяло на себя тянули, а я все при своих, а жить не на что. Потом и свои стали потихоньку таять, жил впроголодь, пообносился. На рынке стоял, тележки таскал, подворовывал помаленьку – слава богу, еще с юности учены: с работы только ленивый не носил ручки-карандашики, лампочки-мыльце. Но это и не съешь, и не особенно-то продашь. Так, валяется дома, а прибыли никакой.

Вид у меня нынче довольно-таки бомжеватый, только без запахов. Я все-таки своей площадью располагаю, со всеми удобствами, хоть и на 3 семьи. А пить я почти не пью: с 50 грамм косею, кайфа никакого, а назавтра башка просто раскалывается. Так что, если ботинки начищу, то запросто сойду за обычного работягу, вкалывающего на заводе, а в остальном ничем от меня не отличающегося.

Хотя онто, как раз, чиститься не будет, незачем, рабочую косточку и так видно. А я с давности заметил, что люди то ли смотрят, то ли както так улавливают именно обувь, и за чистые ботинки готовы простить грязный костюмчик. А вот наоборот – чистое пальтишко и заляпанные штиблеты обязательно вызовут подозрение, какое-то внутреннее сопротив-

ление. Поэтому в сумке, без которой я никогда из дома не выхожу, у меня, кроме документов, пары пакетов, красной лыжной шапочки (а обычно я хожу в синей), газетки и кое-какого инструмента, всегда лежит обувная щетка-губочка.

Зачем шапочка – спросите вы? Отвечу, открою душу: для маскировки. Когда стыришь что-нибудь, а уйти далеко не успел, то сменил шапку и, если тебя в лицо не заметили, то и не найдут. Никому в голову не придет, что незаметный цвет можно по доброй воле сменить на бросающийся в глаза. Меня такой стереотип мышления торговцев уже не раз выручал.

Вот и сегодня я шагаю в синей шапочке по Горбушке (кто не знает – это огромнейший радио-видео-аудио-и-черт-знает-еще-какой рынок в Москве, где я и имею честь проживать). Делать мне здесь нечего, свои товары торговцы катают, стерегут и продают сами, все схвачено давным-давно, но чем-то нравится мне это столпотворение лохов и жуликов, контрабандистов и ментов, детишек и дедушек. И, конечно, порой можно стянуть что-нибудь, чтобы толкнуть за полцены, отойдя на 5 шагов. Товар у всех примерно одинаковый, наборы кассет, дискет и дисков тоже, разница в цене минимальная. Но замороженные огромностью пространства, покупатели шатаются часами, мечтая обрести нечто невиданное и загадочное.

Кажется, я свое уже обрел. Невзрачный лоточек, видеокассеты у которого навалены кучкой. Понятно, что толь-

ко что произошла производственная авария – кто-то задел ящик с товаром, и он опрокинулся. Продукция на снегу, торговец матерится и судорожно делает три дела сразу: собирает, охраняет, следит, чтобы не свистнули то, что еще лежит на прилавке.

Ну, и дай ему Бог здоровья, а я уже заметил, что сзади, из-под полога выглядывает стопочка кассеток, аккуратненькая такая, как раз для случайного прохожего. Поэтому я непринужденно огибаю пострадавший лоток, не останавливаясь, сметаю в привычно расстегнутую сумку две кассеты (увы, одна мимо пролетела, совсем я сноровку потерял) и мерным солдатским шагом удаляюсь на соседний ряд.

Все! Теперь хоть торговец меня за грудки хватать будет, я ему невозмутимо покажу любой из сотни ларьков, где мог бы купить такую же, да нет, не такую, а именно ЭТУ кассету. Кстати, что там у нас? «Незнайка на Луне» – во влип-то! Нет, конечно, продать я ее сумею, но как-то неловко пачкаться из-за детской сказочки. Можно, однако, подарить ее детишкам, будет предлог в гости к бывшей зайти, все ж Новый год на подходе. Ну, да видно будет, а пока еще погуляю, авось, чего перепадет.

Вот ведь зараза какая, не зря говорили, что преступника тянет на место преступления – и получаса не прошло, как я опять на том же ряду оказался. Не думал, не гадал, ноги сами принесли. Однако тут дела крутые пошли: два качка как раз «моего» торговца за глотку берут. Тот и не отбрыкивает-

ся, что-то говорит, да и все, видать, действительно, виноват. Качки всю продукцию внимательно рассматривают, каждую кассету только что на зуб не пробуют, некоторые отдельно откладывают. Потом один собрал эти, отложенные и ушел куда-то, а продавец и второй качок стоят морда к морде и гость что-то такое втолковывает, что торговец на ногах не держится, так и норовит в снег присесть. Народ вокруг вначале тусовался, приглядывался, пока качки торговлю ломали, но когда явственно запахло убийством (а только так можно оценить мимику торговца), всех как ветром сдуло. Да и то верно, чего ради лезть на рожон – хоть перед качками, хоть перед ментами. Только я, дурак, хоть и поодаль, но наблюдаю, мы ж с торговцем почти сроднились – он мне подарок сделал.

Вот и второй качок вернулся, даже кассеты не принес, головой мотнул отрицательно и тоже торгаша за шкуру взял. Вдвоем они его приподняли над землей и что-то втолковывают, а тот даже кивнуть не может, только побагровел от воротника, чуть голову не отрывающего. Наконец, поставили его на кучу кассет, дружными усилиями помятых и испорченных, и один с разворота въехал в челюсть. Если до того качки вполголоса втолковывали, то тут, на физическом усилии, автоматически и голос повысился:

- ... А без кассеты сдохнешь!..

А я уже поближе стою, почти за спиной у них, только краем палатки отгорожен. Очень уж мне любопытно, как-то на

душе тревожно, я ведь тоже к кассетам какое-никакое отношение имею.

А качок продолжает и, через слово вставляя два матерных, популярно объясняет грядущую судьбу самого торговца, его жены, двоих детей, матери и даже собаки. Видать, действительно, вся троица знакома не шапочно. Но что в той кассете так и остается для меня таинственной загадкой, поскольку я очень неосторожно выглядываю из-за своего плотняного прикрытия и оказываюсь глядящим прямо в глаза самому разъяренному качку. Да, такое в кино не сыграешь: в его глазах (вообще-то мелких, свинячьих) злость сменяется остолбенением, активная работа мысли проявляет догадку, надежду, радость и снова – злость. Но это чувство теперь направлено в мою сторону, а торговец забыт, как ненужный хлам. Как танк, качок бросается ко мне, вернее, туда, где я был секунду назад. А сам я уже далеко, за два ряда и четыре палатки. И шапочка на мне красная, и вид независимый, и интересуюсь я исключительно компьютерными CD-дисками. Так что никакого отношения к детским сказкам иметь просто не могу.

Однако, скажу я вам, влип я во что-то нехорошее. То ли компромат на кассете, то ли в коробочке наркота, то ли брюлики запрятаны. Словом, вляпался по самое дальше некуда. Голову оторвут и не заметят, скажут, так и было. Но и выбросить кассету я не тороплюсь. Во-первых, при чем тут я? Может, у них свои дела, застарелые и личные. Во-вторых,

сначала нужно посмотреть, нельзя ли то, что у меня в сумке греется, толкнуть быстренько, без шума и пыли. В-третьих, может там такое лежит, что, если с умом взяться, таких бабок стоять будет, что потом я себе все локти пообкусаю от сожаления. Да и не видел меня никто, а качок не запомнил, просто на мой взгляд отреагировал, может, хотел злость сорвать на любопытном. Словом, выкинуть всегда успею, а вот полюбопытствовать не помешает, из-за чего весь сыр-бор.

Подведем итоги. Я, возможно, спер нечто, из-за чего были неприятности у торговца, а могут быть и у меня. Но расставаться с предметом я не хочу, потому что порой возможность вернуть предмет ценится гораздо больше, чем его отсутствие и невозможность внятно объяснить, почему не можешь предъявить по первому требованию. Словом, если сыр-бор разгорелся из-за кассеты, то лучше ее сберечь, чем потом отбрыкиваться от вопросов серьезных людей. А уж если с этого дела можно что-то поиметь, то тем более нет резона избавляться от этой загадочной штуки.

И я поплелся домой. Завтра, если кассета имеет ценность, об этом можно будет узнать хотя бы косвенно, а то и напрямую. Вот в прошлом году один мужик посеял барсетку с какими-то сидюками, так он на уши всю Горбушку поставил, бандиты тоже со своей стороны озадачили народ – найти и вернуть. Почем мужику это все обошлось, не знаю, но, говорят, вернули уже через день. Так что время у меня есть, а там поглядим.

До родных Текстилей мне с двумя пересадками тащиться, но я время убиваю вдвоем с газеткой. Как всегда, читаю и умиляюсь, кто в этих СМИ пишет – марсиане, что ли? На земле никогда не были, жизни нашей не знают, а представляют ее по мультфильмам Диснея. Чем я живу, чем дышу, чем питаюсь – лучше бы у меня самого спросили, а не у депутатов да ученых. Нет, конечно, сами ученые порой за соседним прилавком стоят на ближайшей ярмарке, но это-то как раз и не пишут ничего, им бы просто выжить – и то хорошо. А те, которые пишут, никогда с обычными людьми не встречались, вот и выдумывают себе персонажей, как в театре марионеток – вроде и похожи на нас, но явно не живые.

Уже на Таганке я себя как-то неловко почувствовал, словно случайно в женскую баню зашел. Ощущая себя объектом повышенного внимания, хотя и не могу понять, чьего именно. Вот просто ощущение, словно в спину снайпер глядит, естественно, через оптический прицел. Нет, раньше никто меня через оптику не разглядывал, но ощущение опасности, я думаю, примерно такое же, как если бы жена смотрела в спину, размышляя, все ли выгребла из карманов (бывало и такое в личной жизни).

Забился в угол вагона и принялся осматриваться – где он, враг? Нет, никого не примечаю: один в газету уткнулся, другой книжку мусолит, третий кемарит, чуть не падает. Никто на меня персонально не смотрит, никому я не нужен. Обидно, конечно, но я надежды не теряю, поскольку ощущение

перекрестья на лбу так и не проходит. Нет, не гожусь я в шпионы, не умею ни вычислить врага, ни выпустить ему кишки незаметно для окружающих. Да и вообще, пора бросать эти детские размышления – ну кому я нужен? Даже если предположить, что что-то с кассетой действительно связано, и то никто меня проследить не мог, это уж точно. Наверно, просто в связи с виденным бзик нашел.

Ну и хрен с ёй, с ружьёй. Пора на выход. Пока протискивался к дверям, ощущение опасности исчезло и я порадовался – перестал дурыю маяться.

Дорога к нашему дому перекопана – как зима, так трубы отопления лопаются и их по 3 месяца чинят, а точнее, латают 2-3 дня, а потом просто забывают засыпать канаву. Туда и старички залетают, и детишки в них играют, и водой заливают, а властям все едино – главное, раскопать, а зарывать не обязательно. Правда, лично мне эти ямины даже на пользу – одна проходит под самым окном, как крепостной ров, так что я могу форточку оставлять настежь в любое время дня или ночи.

Живу я на первом этаже, в коммуналке, которая образовалась после каких-то сложных съезов-разъездов хозяев. В трех комнатах живут 3 семьи. Мамаша с дочкой-шалавой, Лариска и Людка, старшей за 50, младшей 19. Во второй – такой же, как я, неудачник Генка с сожительницей. Он все меня соблазняет то на одну авантюру, то на другую, но я держусь, потому как сам Генка просыхает только в великую

засуху, и то не всегда. С таким компаньоном стореть – раз плюнуть. А поскольку доходов у него никаких, я каждый раз убеждаюсь, что не зря воздержался вложить в его дела последние денежки.

Ну, и в третьей комнате живу я, вернее, снимаю за смешные деньги – 500 рублей в месяц. Комната невелика, но и я же один. Окно выходит во двор и сразу за рвом начинается густой кустарник, который с весны дает отличный воздух и загородный аромат свежей зелени. Так что на жилье я не жалею.

Ага, вон Людка у соседнего подъезда опять с каким-то хмырем заигрывает. Ей все равно, с кем, лишь бы ласы поточить, а то и в постель запрыгнуть. Мать и не подозревает, наверно, сколько хахалей перебывало в их комнате, пока она в своем магазинчике над кассой преет. У нас молчаливый уговор всей квартирой: о личных делах ни гу-гу! Так что ни моих, ни Генкиных девах, ни Людкиных, а то и Ларискиных хахалей мы никогда не обсуждаем, а если сталкиваемся с кем-то в коридоре, лишь вежливо здороваемся.

Блин, опять вся прихожая обувью завалена, дверь открылась едва наполовину, упершись в сапог. Никто не ставит обувку в специальную стойку, которую мы с Генкой как-то смастерили – он спяну, а я со скуки. Да и то, стойка кривоватая, а верхняя доска еле держится, если не знаешь, можно и стукнуться.

Едва я снял обувку и пошел к себе, в дверь позвонили.

Небось, Людка наболталась или вместе с хахалем пожаловала. Это я так и предвидел, а потому лишь крикнул:

- Открыто! – и направился убрать хотя бы свои ботиночки с дороги.

Дверь с грохотом швырнуло в сторону, в щель просунулась чужая рожа, по которой пришелся удар спружинившей плоскости. Когда-то и я, и Генка так же получали – обувка очень хорошо отражает удары, но потом привыкли открывать дверь чинно и медленно.

Секунду стояла тишина, потом дверь, как и положено, медленно отворилась, и в коридор рухнул здоровенный лоб, смутно мне кого-то напоминавший. Я екнул сердцем и втащил пострадавшего в дом. Перевернул на спину – е-мое, это же тот самый качок, что высмотрел меня на Горбушке. Значит, выследили, значит, я им действительно дорогу перешел. Ну, влип, ну попал...

Дверь медленно раскрывалась и я машинально потянулся затворить. Не тут-то было, она не поддавалась, а наоборот, отворялась все больше. Я поднял голову.

Черное дуло пистолета смотрело мне прямо в переносицу. Второй качок удерживал ствол крепко, но изящно. Ни малейшего колебания не читалось на злом рябоватом лице, глаза не выражали ничего – работа есть работа. Он стоял на пороге по-хозяйски, видимо, он везде чувствовал себя хозяином, а уж в моем явно безопасном жилище – тем более.

Вероятно, в этот момент и должна была пригрезиться мне

вся жизнь, но в голове был только мутный страх, ломило виски, под ложечкой сосало как с голодухи, а ноги мгновенно стали ватными. Качок ослабился, с презрительным сожалением взглянул на своего подельника, опуская пистолет, шагнул через порог – видно, ничуть меня не опасался. И в этот момент совершенно бессознательно, рефлексивно и безумно я вцепился ногой в дверь. Хлесткий удар пришелся прямо по лбу, петли хрустнули, а через секунду раздался еще один гулкий звук от соприкосновения затылка незваного гостя с бетонным полом площадки.

Две секунды, три, четыре – снаружи тихо. Оседая на ватных ногах, я выглянул наружу – качок занимал всю площадку, раскинувшись навзничь и далеко откинув руку с пистолетом. Трясаясь от тошнотворного страха, я затянул парня в коридор и уложил рядом с приятелем. Натянул сапоги, схватил сумку, захлопнул дверь и метнулся на улицу, соображая только одно – оказаться подальше отсюда, когда налетчики придут в себя.

Пробегая, крикнул Людке:

- Не ходи домой, забирай мать и уматывайте куда-нибудь!

Она встрепелась, но я не останавливался, а потому ей лишь осталась размышлять, что такое случилось в квартире, если, не пробыв там и пяти минут, я бегу оттуда, как черт от ладана.

Уже сворачивая за угол, я увидел «Тойоту», торчавшую в нашем дворе, где машин-то было штуки три, да и то у пен-

сионеров – такой у нас неудачливый дом. Да и машины, понятно, «Москвичи» старые-престарые. Из «Тойоты» вылезал парнишка, который при виде меня тут же юркнул обратно. Не мудрено – вид у меня был, наверняка, дикий. Но и я этого паренька тоже испугался, потому что именно он упирался мне в бок, читая какой-то детективчик, в метро. Я, дурак, искал знакомые лица, а этого стервеца и в уме не держал. Ну не шпион я, никак не шпион!

Ни секунды не сомневаясь, я дунул в сторону, противоположную «Тойоте», хотя именно в этой стороне кроме заброшенных новостроек социализма и свежих развалин демократии не было ни одного дома или мало-мальского укрытия. Уж я-то знаю, летом там и гулял, и пиво пил, и прочесывал чуть не по квадратам в поисках чего-нибудь годящегося на продажу. Нет там ничего, все бомжи подобрали или жители сперли.

Вечер, почти темно, фонари растут через два на третий, свежий снежок под ногами (кому здесь, на хрен, ходить), я ломлюсь как лось, ощущая на затылке уже привычный снайперский холодок. На повороте к развалинам бросаю взгляд за спину – все трое мчатся стаей, фиксируя меня и визуально, и по цепочке следов. Блин, куда же тут спрячешься, надо было теряться среди людей, а здесь целина какая-то, отпечатки на снегу почище визитной карточки.

Но особо раздумывать некогда, не трусцой от инфаркта бежим, от другой смерти спасаюсь. Хотя мысли в голове кру-

тятся, куда податься, где спрятаться, да никак не находится единственный верный, а значит и правильный вывод. Правда, вот этот дворик может вывести к шоссе, там народу побольше, хотя этим качкам плевать на людей – пристрелят за милую душу и не почешутся. Нет, наверно, стрелять не будут, так скрутят и замордуют. Я бегу и наливаюсь страхом пополам со злобой.

Кто им дал право быть всегда сверху? Какая сволочь приняла как должное, что кто-то может бить меня, стрелять, взрывать, а я лишь слабо отбиваюсь, если вообще отбиваюсь? А то ведь и не сопротивляюсь, зная, что чуть пальцем пошевелю, еще десяток таких же лбов подвалит и последние печёнки вынет. Ничего у них нет, кроме кулаков и уверенности в безнаказанности, а мы почему-то идем на поводу у собственного страха, за которым и нет ничего, кроме... страха этого самого. Никто не хочет связываться, потому что чует смертный запах волчьей стаи, не щадящей ни чужих, ни своих. Будь я посильнее да посмелее, я бы их всех носом в грязь уложил и на спинах попрыгал. Но – Бог не дал, я и дрался-то последний раз в 8 классе, а с тех пор только меня били, а я – никого.

Под этот ненавязчивый внутренний аккомпанемент я сворачиваю в проходной, между двумя разваленными пятиэтажками, дворик. Блин! Дальний конец завален, арматурины так и торчат, не хуже противотанковых ежей. По инерции продолжаю бежать и останавливаюсь только перед открытым

люком канализации. Две половинки расколотой ровно пополам крышки валяются рядом. Воняет из люка умеренно, но лезть под землю ужасно не хочется – там и крысы, и в тупик угодить можно, а дожидаться, когда качки догонят, во все никакого желания.

Я теряю драгоценные секунды, топчась около люка и случайно обращаю внимание на огромный короб из-под бетона, стоящий шагах в семи. Короб пуст, ближайшая стенка не выше пояса, с нее свешивается кусок полиэтилена. Тело само взлетает, в полете изгибается немыслимо и валится в короб, скатываясь по пленке, как по скату сугроба. На миг высываюсь – все чисто, на снегу только отпечатки у люка, а к коробу, ко мне ни следочка. Конечно, внутри вовсе не так чисто, как кажется снаружи – в бока мне впиваются куски окаменевшего и оледеневшего бетона, руки попали в незамерзшую лужицу маслянистой жидкости, но все эти неудобства вполне компенсируются ощущением скрытости от преследователей – хоть на минуту, хоть на секунду я чувствую себя в безопасности, хотя и не позволяю себе расслабиться.

Подползаю к передней стенке, как могу, прикрываю себя полиэтиленом и вглядываюсь в дворовую темень через щелястую преграду. Преследователи влетают во двор, вглядываясь в цепочку предательских следов, потому что давно потеряли со мной визуальный контакт. Впереди несется тот качок, которому досталось дверью по голове, за ним маленький из машины, а последним, постоянно оглядываясь, поспеша-

ет третий, грозивший мне пистолетом. Правда, сейчас ствола не видно, но вряд ли паренек оставил своего кормильца на моей лестничной площадке.

Троица достигает люка и начинает вертеть головами во все стороны, то ли не веря, что я нырнул вниз, то ли высматривая случайных свидетелей. Пусто, темно, тихо, даже я, кажется, не дышу, но парни стоят, вслушиваясь и всматриваясь, минуты три. Потом одновременно заглядывают в люк, маленький становится на колени и чуть ли не свешивается в вонючую темень.

- Вперед, ребята, - качок с пистолетом делает приглашающий жест в сторону отверстия.

- Может, ну его, а, Толик? – маленькому совсем не улыбается путешествие. – Этот, небось, здесь все ходы-выходы знает, вон как чисто нас сюда привел, а мы там ни фиги не понимаем. Заблудимся, а еще там крысы-мутанты... Давай его дома подождем.

- Сколько его ждать придется? Я бы на его месте вообще из Москвы рванул, а ты – подождем. – Толик настроен решительно. – Значит, вы с Гнедым вниз – и смотрите внимательно, чтобы он далеко не умотал. А я здесь посмотрю – вокруг да около, может он в этот люк сиганул, а из соседнего вынырнет.

- Так ты сам-то не полезешь?! – со слезой выкрикивает Гнедой, - тут отсидишься, а потом через нас с Седым побазланишь, свои подвиги распишешь, а нас опять побоку?

Но Толик не расположен размазывать кашу по тарелке. Он хватает Гнедого за лацканы щегольской кожанки и чуть не спихивает в люк. Гнедой не сопротивляется, очевидно, с субординацией в этой компании все обстоит как в собачьей стае – кто выше по рангу, тот всех и молотит, а отвечать ему – не смей. Парень только стягивает с себя куртку, под которой оказывается в довольно потертом свитерочке, украшенном подмышечной кобурой. Что в ней болтается, я не вижу, да мне и без разницы, но сердце успевает екнуть от враз всплывшей сцены в квартире, где Гнедой мог бы просто залепить мне пулю, а не подставлять лоб под закон физики о том, что сила действия равна силе противодействия.

- Малек? – Толик только делает движение в сторону третьего, как тот оказывается сидящим на краю люка с карманным фонариком в руке. Фонарик, конечно, дерьмо, но это парни поймут только внизу, когда разберутся, что садышающаяся батарейка позволяет осветить лишь ближайшие 20 сантиметров прямо по ходу, а все, что останется за границами этого желтого конуса, будет пугать еще больше, чем если бы они шли с завязанными глазами.

Но дисциплина (надо понимать, что бандитская – она сродни военной) одерживает верх, и Малек довольно шустро скрывается в горловине люка. Гнедой тяжело вздыхая, начинает спуск, почти наступая партнеру на голову, чем вызывает протестующий шум снизу. Вероятно, качок хочет просто выместить свое раздражение и страх на безответном партнере,

но направлено все это против остающегося наверху Толика. Толик, конечно, прекрасно понимает подоплеку происходящего, потому что аккуратно раскладывает на снегу кожанку и, встав на колени, угрожающе шипит вниз:

- Заткнитесь, козлы, вам же за ним дальше бежать придется, если он услышит.

Шум стихает, Толик стоит на коленях, а за его спиной уже стою я, держа в руках самый большой обломок бетона, который разыскал в коробе. Я замахиwaюсь – и вот тут-то все, что нужно, промелькивает перед моим внутренним взором. Правда, не вся жизнь, а лишь этот последний эпизод, который может оказаться последним в цепи воспоминаний.

Все обстоятельства происходящего напоминают параметры задачи, которую решает школьник, студент, инженер: задание-способ-решение. Дано: меня гоняют бандиты, которым известно, где я живу, и которые запросто узнают мое имя, имена и адреса родных, друзей и вообще всех, кто со мной имеет хоть малейшую связь. При этом ни я, ни бандюки не сомневаемся, что моя жизнь в данной задаче не ценится никак, а потому будет прервана в процессе сокращения одноименных знаков. Но моя задача как раз в том, чтобы уцелеть самому и не дать посторонним столь радикально вмешаться в мою жизнь. Решение задачи: только убийство и обязательно всех, кто знает обо мне.

Говорят, что слово «убийство» вызывает в человеке какой-то внутренний протест, поэтому даже политики и про-

фессиональные убийцы предпочитают говорить «устранение», «нейтрализация», «ликвидация», хотя и сами, и их собеседники прекрасно понимают, о чем идет речь. Так вот, меня это слово никак не потрясло, я просто отгородился от него более мощным «надо». Надо – иначе устранят меня, надо – иначе нейтрализуют моих детишек с бывшей женой, надо – иначе ликвидируют соседей. Словом, «надо» – это то слово, с которым выросло мое поколение (очевидно, последнее, в ком подобный призыв можно считать генетически запрограммированным).

«Надо» – и мы работали внеурочно, ехали на картошку, единогласно голосовали. «Надо» – и мы расставались с любовью, оставались в постылой семье, оговаривали друзей и незнакомых. «Надо» говорило начальство, партия, жены, друзья, сами себе, а рефлекс срабатывал каждый раз одинаково – мы отвечали «есть!» и корячились до полного выполнения такого нужного задания.

Вот это «надо», созревшее в мозгу гораздо быстрее, чем кусает комарик, и подняло меня из короба, сделало шаги бесшумными, замах решительным, а сердце бесчувственным. Я ударил наотмашь, целясь в затылок, но в последний миг Толик слегка отодвинулся и каменюка упала ближе к виску, отбрасывая тело в сторону от люка. Страшный хруст кости, тягостное мычание, выпускающее последний воздух из уже мертвой груди, быстрые подергивания рук и ног – пять секунд, и человека больше нет. Тело, набор мышц, мясо, труп

– все, что угодно, но уже не человек. Вот так просто – раз, и нет человека, а те, кто будут рыдать над гробом, будут обманывать сами себя, видя в теле человека, его заботы и радости, надежды и ошибки. Пусть это такое дерьмо, как Толик (не знаю его, но почему-то уверен, что зла он натворил в тысячу раз больше, чем случайно сделал добра), но и по нему кто-то заплачет, хотя его уже нет...

Брысь, лирика и сентиментальность – из люка доносятся голоса друзей ныне покойного мафиози, и в голосах этих, лишенных обертонов из-за странного эха, полно страха:

- Толик, ты что, смотался, что ли? – это явно Малек.

- Толик, тут ни хрена не видно, лазы маленькие, мы лучше обратно полезем, - Гнедой.

Кричите ребята, кричите, я вам нынче не нянька, чтобы решать, кто где умрет. А умереть вам придется, «надо» еще не закончило работу. Стараюсь удержать себя от въезжания в ситуацию, прячусь за каменной стеной необходимости, а то не смогу даже придумать, как убивать. Но, наверно, так: первого камнем по голове и отбросить в сторону, а на второго сбросить кусок потяжелее. Судя по голосам, первым опять лезет Малек, этого я точно смогу пришибить и отбросить. Правда, даже в отстраненном состоянии, я не очень представляю, как буду хватать умирающего человека, куда-то дергать, удерживая его судороги, стараясь не испачкаться кровью, ощущая уход жизни... Поэтому я не сопротивляюсь, когда тело решает за меня: я хватаю половинку

крышки и вертикально кидаю в люковую темень, лишь слегка разбавленную лучом фонарика.

В ответ – ни звука, кроме естественных шумов падения. Ни вскрика, ни ругани, ни стога. Склоняюсь над горловиной и улавливаю, как на глубине метров 10 во весь рост стоит Гнедой, внимательно глядя на меня. Очевидно, моя голова вырисовывается на фоне неба, потому что знак этого внимания долетает в виде пули, прошелестевшей в сантиметре от лба. Отшатнувшись, я падаю на нетронутый еще снежок и судорожно пытаюсь вспомнить картинку – где же Малек? Он лез впереди, ему досталась железяка, он должен был свалиться на Гнедого. Ах, черт, Гнедой же стоял на нем, я четко вспомнил, как вдоль тела качка торчали подошвы. Конечно, там, внизу не больно-то развернешься, но все-таки, все-таки...

Но, даже если оставить в стороне морально-этические соображения, Гнедой допустил чисто тактический промах – сбросив под ноги приятеля, оставил без прикрытия собственную башку. Тут уж без всяких «надо» стоит воспользоваться преимуществами высоко сидящего и далеко глядящего. Я хватаю вторую половинку люка и прямо через край переваливаю ее, хотя снизу опять слышатся выстрелы. Неудачно брошенная половинка мотается от стенки к стенке, но, очевидно, попадает в цель как пуля снайпера. Я слышу дикий вопль Гнедого, какие-то дополнительные удары твердого по твердому, тяжелый и короткий стон.

Минуты три я переживаю, пока успокоится сердце, вернется дыхание, перестанут так крупно трястись руки. Ни звука ни снизу, ни вокруг. Даже если кто-то слышал выстрелы или крики, скорее всего, не станет искать приключений, сунувшись в развалины. Наконец встаю, нахожу в коробе пару кусков бетона помощнее и бросаю их в колодец один за другим. Никакой реакции, кроме ударов камней о стены. Снимаю с Толика синтетический шарф, поджигаю и бросаю в люк. Шарф планирует медленно, однажды даже зацепившись за скобу лестницы, но раздумав останавливаться на полпути. Упав на самое дно, факел тускло освещает сложившегося вдвое Гнедого, из груди которого торчит чугунная половинка, а из подмышки мертво скалится голова Малька. Видимо, внизу газы, потому что шарф быстро затухает, скрывая картину смерти и убожества.

Наверно, полчаса я лежу рядом с местом моего преступления — нет ни сил, ни желания двигаться, даже железное «надо», которое я повторяю раз от разу все неувереннее, не хочет действовать. Но, в конце концов, я прихожу в себя настолько, чтобы, все еще не двигаясь, начать размышлять.

Итак, мои преследователи мертвы. Если они были одни, то больше никто не знает ни меня, ни моего адреса. Можно вернуться домой, отлежаться, прийти в себя, решить, что делать дальше. Но если преследователи были не одни, то моя комната — идеальное место для засады. Соседи будут тихонечко сидеть по своим комнатам, а я — корчиться в предсмертных

судорогах от пули, ножа или просто кулаков приятелей тех невезучих мафиози, которые пали жертвой больше случайного стечения обстоятельств, чем моего желания, а тем более, умения.

Но где гарантии, что преследователи были втроем или что они не успели кому-то передать, куда направляются? В этом случае я по-прежнему в опасности, причем больше не могу рассчитывать на случайности, которые помогли мне одержать неожиданную победу. Конечно, можно понадеяться на авось и забиться в угол, ожидая, куда кривая вывезет. Но, если серьезно смотреть на ситуацию, то вернее было бы самому разыскать тех, кто так интересуется мною и нанести удар первым. При этом на моей стороне было бы преимущество неожиданности. Проблема только в том, что я абсолютно не ощущал в себе готовности к какому бы то ни было контакту с противником. Честное слово, я всегда стремился избегать любых конфликтов – хоть со знакомыми, хоть с незнакомыми людьми, хоть с женой, хоть с родителями или собственными детьми. Может, потому и остался один.

Действительно, всегда можно найти общий язык практически с любым человеком, кем бы он ни был и как бы он не был обозлен. Эту истину я вывел из собственного опыта, который сводился к внезапным примирениям и не менее внезапным мордобоям, если я не успевал настроить соперника в свою пользу. Несмотря на то, что мордобоев было не один и не два, я свято верил, что виноват в этом сам, поскольку

не сумел найти правильные слова за отведенное мне время. И так, попытка установить мир?

Вопрос только, с кем? Значит, опять нужно искать тех, кто был связан с продавцом видеокассет, кто натравил качков на него, а затем и на меня, кто был настроен так решительно, что даже первое знакомство со мной обставил стволами. Боюсь, с такими людьми мне трудно будет найти общий язык. И даже если я успею и сумею доказать, что не таил на них зла, когда спер кассету, кто может поручиться, что одно лишь прикосновения к загадочной коробке – не достаточная причина, чтобы замочить меня, не отходя от предмета разговора. Словом, шансов на мирное разрешение конфликта было явно маловато.

Поэтому плавно въезжаем во второй вариант – найти и уничтожить. Тоже не легче – опять-таки надо искать, а где? Да и «уничтожить» – скорее для Шварценеггера, чем для меня, щуплого и нерешительного интеллигента (пусть и бывшего).

Третья возможность – нанять когото, кто может сделать всё это за меня – либо примириться, либо уничтожить. Но кто? И за какие бабки, ято на мели? Этот вариант меня радует больше предыдущих, потому что основную нагрузку перекладывает на кого-то, кого можно и обругать, если он не справится. Где-то глубоко в подсознании я понимаю, что если у посредника не получится, то обругать его я уже не успею, во всяком случае, на этом свете. Но легким и привыч-

ным усилием воли я отгоняю эту трезвую мысль, очень уж хочется верить, что проблема разрешится, причем без моего активного участия.

Ну-с, теперь возьмемся за текущие дела. Я осторожно вынимаю пистолет из ладони Толика и сую в карман. Потом обшариваю куртку и брюки. Мои трофеи – бумажник, забытый долларами, мобильник, потертый органайзер, две запасные обоймы, сигареты «Голуаз» (экзотика!), зажигалка в виде чертика, ключи в ключнице, презервативы (3 пакетика), комок российских денег и мелочь. Механически перекладываю наследство в сумку, пытаюсь заставить себя спуститься в колодец и обыскать еще двух покойников. Задача...

Заглядываю через край люка – фонарик еще дает какое-то подобие света, снизу тянет пороховым дымком, лица Гнедого и Малька запрокинуты ко мне приглашающим оскалом. Нет, не смогу! Черт с ним, с тем, что у них в карманах, пусть и после смерти остаются богатыми, я уж и так как-нибудь. Переваливаю Толика в люк, подталкиваю и слышу, как он летит, с ужасным звуком ударяясь о стенки. От ближайших развалин ношу всякий хлам и забрасываю им колодец почти доверху. Остатками цементной крошки засыпаю ужасную кровавую лужу, в которой только что была голова Толика. Приношу разломанный ящик и ставлю на зияющий люк так, чтобы было видно, что крышки нет. Ну что же, вполне приличная получилась картина: какие-то рабочие лазили в люк, а чтобы никто не провалился, прикрыли его ящиком.

Во всяком случае, мне очень хочется, чтобы так и думали случайные прохожие, поэтому я убеждаю себя, что все очень похоже.

С тем и удаляюсь.

Правда, недалеко. Все-таки я не шпион, не та выносливость, не те нервы. Буквально через два дома понимаю, что сил не осталось, что дрожь выбивает тарантеллу моими зубами, что я просто не соображаю, где я и кто я. Поэтому перебегаю через автостраду и усаживаюсь на закрытый к ночи прилавок, для надежности (наивные люди!) прикованный к фонарному столбу толстенной цепью. Очевидно, тут торгует какая-то баба, причем одиночка, которой не под силу таскать тяжесть туда-сюда утром и вечером. Конечно, этот жалкий ящик никому по-настоящему не нужен, но если на него нарвется такая же горе-торговка? А, не мое дело, главное, можно дать отдых ногам.

Раскладываю по карманам деревянные (почти 2 тысячи), сигареты (авось, пригодятся) и зажигалку, а также всю остальную мелочь. Мобильник долго разглядываю, решая его судьбу, но потом все-таки кладу во внутренний карман куртки – сам снимать трубку не буду, а позвонить всегда можно, хоть в Америку, платить не мне. Пистолет – в правый карман, обоймы в левый. Теперь органайзер. Записей много, все для себя, по 2-3 слова и какие-то значки. Хозяину все было понятно, а мне нет, да и неинтересно. В боковом кармашке порнографические картинки – какие-то сисястые

тетки страстно обнимают то собак, то жеребцов, пара девчонок в позе 69, негр с членом до колена. Та еще подборочка... Квитанции из ломбарда – не вчитываюсь. Пиковый туз с гладкой синей рубашкой. Карточка-пропуск машиностроительного завода. Отдельно – несколько бумажек с телефонами, написанными разными почерками. Все.

Теперь бумажник. Сначала деньги. Ого – разными купюрами 5774 доллара! Нехило жил покойник, хотя, возможно, это поборы за день, и Толику не принадлежали. Складываю баксы аккуратно в 4 разные пачечки и рассовываю по разным карманам. Паспорт – старый, еще советский. Так вот ты какой, северный олень, а вернее, Чистов Анатолий Николаевич, 1971 года рождения, житель столицы нашей Родины, женатый и разведенный, отец (считаю в уме) 3-летней дочери, проживавший сначала там-то, а теперь тут-то. Сомнительно, чтобы я пошел к тебе в гости, но все-таки запоминаю последний адрес и рву паспорт пополам.

Еще в бумажнике права с предусмотрительно прикрепленной 100=долларовой купюрой, техпаспорт, доверенность на машину. Плевать, водить я так и не научился за неимением железного коня. Деньги в карман, права с трудом рву и прикладываю к остаткам паспорта. В маленьком кармашке визитка Зубова Михаила Леонидовича, главного инженера ООО «Верзуб». Не иначе, название составлено из двух фамилий. На обратной стороне телефон, начинающийся с девятки. Больше ничего.

Набираю номер на мобильнике, насчитываю 4 гудка, а затем осторожный и настороженный голос простудно спрашивает:

- Кто?

Я молчу, а голос, выждав секунд 5, еще раз спрашивает:

- Толик, ты? – и, не дождавшись ответа, ревет: - Номер правильно набирай, козел!!!

Отключаю телефон и глубоко задумываюсь. Мысли текут параллельно и про разное. Не понравился мне абонент, не знаю, чем, но он мне глубоко антипатичен, чувствуется в голосе надрыв, наглость, превосходство сильного и наглого хама. Но, в то же время, Михаил Леонидович явно чем-то напуган, кстати, может быть даже тем, что ему позвонили именно по этому номеру. Ну ладно, обмозгуем.

Далее, что мне теперь делать. Нет, завтра-то я пойду искать посредника, а вот сейчас? Опять звоню, теперь уже себе домой.

- Ал-ле, - Генка явно подшафе, слова выговаривает преувеличенно четко.

- Ген, это я, как дела?

- Ты, блин, чем нам коридор вымазал?! – голос крепчает, я сильнее прижимаю трубку к уху, а то все окружающие станут свидетелями матерного сольного номера известного ругателя нашей квартиры.

- Людка, блин, сказала, что ты ее из дома выгонял, велел не возвращаться. Ты знаешь, что за такие наезды бывает? Я

прихожу, она во дворе трясется, а дома то ли наблевал кто, то ли насрал. Я старуху позвал, ты ей теперь чирик должен. Ты собираешься явиться или где?

- Или где, - говорю я, только чтобы прервать соседа. — Я тут по делам, так что пару дней не приду. Меня никто не спрашивал?

- Спрашивали! — рывкает Генка. Мое сердце стремительно падает гораздо глубже, чем на дно известного колодца. — Двое с носилками, один с топором! Сказали, что в следующий раз с бульдозером приедут!

Идиот, это он так пошутить решил.

- Ген, не выблуживайся, я звонка ждал или гостей, скажи нормально, был кто?

- Кому ты нужен, малахольный, вот во дворе, действительно, какие-то мэны ходят, но чего ищут, не говорят. А тебя даже участковый не спрашивал, спи спокойно. Все, привет, звони, пиши, присылай посылки и переводы.

Отбой. Я весь мокрый, хоть выжимай. Кто ходит по двору, чего ищет? По мою душу или случайность? Пойти посмотреть? Ну уж нет, на фиг, на фиг. Но куда деваться?

Понуро тащусь к остановке троллейбуса, еду к соседней станции метро — Кузьминкам. Появляться около родных Текстильщиков как-то стремно — найдется какой-нибудь обалдуй, встретит и закричит «Привет, Вовик!», а услышит, кто не должен — и вот я на крючке, а то и в морге. Нет уж, в таком деле лучше перебдеть, чем недоспать.

Вообще, главное – не терять голову, соображать, куда шагаешь и что на сдачу получаешь. Помню, как я в первый раз залетел на крупную сумму, так было страшно, что долг бандитам отдадут, я глупостей наделал столько, что потом и сам удивлялся, что жив остался. Хорошо, парни попались более-менее порядочные, посмеялись, когда узнали, в какую я кабалу чуть не попал, объяснили, что в самом деле делать надо, я быстро перестроился и кое-как выкарабкался. Потом уже все обдумывал и ясно видел, что и сам мог бы сообразить, если бы страхом башку себе не дурил. Ну, тепер-то я ученый, буду как сапер на минном поле.

Кстати, это идея! Есть у меня знакомая цветочница Наташка, так она говорила, что в любой момент может вызвать подольских бандитов, чтобы деньги вытрясти из кого угодно. Они ей не крыша, но какое-то знакомство есть. Набираю номер и почти сразу слышу разморенное:

- Алло...

- Ты что, уже спишь? – и поздороваться, и представиться я как-то забыл, но она узнает меня с первого слова и оживляется.

- Ну, ты даешь, мне к полуночи еще на базу ехать, за товаром, где уж поспать. А что у тебя стряслось?

- С чего ты взяла, что стряслось? Я что, очень бледный?

- Нет, это я памятливая. Ты мне в последний раз звонил, когда в «обезьяннике» сидел, и деньги на взятку были нужны. Так что давай, выкладывай, не тяни кота за сам знаешь,

какое место.

- Ну, тебя не обманешь, мне очень нужна помощь. Я тут въехал в очень неприятное дело, мне нужно встретиться с теми, кто тебе может помочь с долгами...

Наташка молчит, даже дыхания не слышно. Потом говорит с такой тревогой, что даже мне становится жалко себя:

- Что, так плохо?

- Да куда уж хуже, того и гляди, замочат. - Действительно, мне становится так жаль себя, что я чуть не плачу.

Она вздыхает:

- Ладно, я позвоню, они парни мобильные, если ничего не случилось, завтра с утра встретишься. Только... у тебя бабки есть? Они же и за вызов возьмут, и процент с суммы.

- Есть, есть, это, как раз есть, мне бы только с блатными встретиться или с отморозками, а не шушерой. Дело нужно делать наверняка.

- Не шурши, плохой товар не держим. Как с тобой связаться?

- Никак, я без телефона, я сам позвоню часов в 8.

- Ты с ума сошел, я в шесть уже ухожу, так что без десяти будет в самый раз. Ну, привет.

- Привет... - Прерываю гудки нажатием кнопки, прячу аппарат в карман и тащусь на станцию.

В метро доехал до Курского вокзала и по путям потянулся к ближайшим электричкам. Дело простое, мне уже приходилось как-то ночевать, как я сегодня наметил – в составе,

стоящем на путях. Влезть в отстойнике в вагон – проще простого, сторожа ходят кучками, по сторонам почти не глядят, а их самих за километр слышно. Главное, чтобы из вагона не выскребли, иначе побьют. Они хитрые, как разведчики: если ночью в вагоне стекла запотели больше, чем обычно, там точно люди сидят. Тогда охрана с двух сторон блокирует и этот вагон, и по одному с каждой стороны – и бьют. Баб, говорят, пользуют, но я этого не видел, врать не буду.

Поэтому я влезаю в вагон, где и так все стекла покрыты льдом, рассовываю свои богатства по разным щелочкам и забираюсь под лавку. Ноги сую в сумку, голову заматываю курткой, чтобы не дышать наружу и долго лежу без сна. Мыслей деловых нет, так, какие-то обрывки – то кассета (что в ней?), то затылок Толика (но без эмоций), то визитка (ВЕР-ЗУБ – хм-м). Однако засыпаю и сплю без снов.

ИП: Хм-м-м, спит он. Набегался, наигрался как ребенок и спит. А я тут чуть снова не умер – столько адреналина, это не фунт изюма и даже не два. Хотя... я бы сказал, что в общем и целом день прошел очень интересно (для меня, конечно). То Володя влез сдуру в какие-то мутные непонятки, то так же сдуру попер напрямик к себе домой, то проявил то ли бойцовские, то ли живодерские замашки – но, в конце концов, жив, относительно здоров и готов делать глупости дальше. Ну, молодой зеленый, думает все еще, что в игру играет: стоит только закрыть глаза ладошками, и тут же тебя не видят и не слышат, ты «в домике». На-ка тебе, да

выкуси. Чую я, старый дед, что ой как горячо будет в этой истории... Ну, ладно, будем смотреть театр дальше. Из хорошего: я понял, что тут – Москва, год примерно девяносто четвертый-пятый, прекрасное время для молодых, то есть и для меня тогдашнего. Было мне в эти годы 94 минус 30, итого 64... Ну да, не так уж и молод, но фортели отчебучивал, глупости по привычке творил, за дамами ухаживал вполне эффективно. А Володе 42, тоже вполне в соку, жаль, что не состоялся. Ну, может еще наверстаем, вместе взятые.

Он спит, блин. Спит так, как спят люди, которым завтра опять придётся жить. Глубоко, без снов, будто отключили рубильник. Я в его возрасте так не умел. Я всё прокручивал, думал, возвращался, спорил с теми, кого уже давно не было.

День у него вышел... сомнительный. Не катастрофа – это важно. Катастрофы случаются позже, когда человек уже устал ошибаться.

Москва вокруг него – девяносто четвертого года – другая. Грязная, резкая, нетерпеливая. Но в ней есть то, чего потом не станет: прямая угроза. Здесь не улыбаются перед ударом. Здесь сначала бьют, потом объясняют.

Он этого ещё не понимает. Он думает, что если не лезть – не тронут.

Тронут. Просто пока не решили – зачем.

Я смотрю на его руки. Они крепкие. Он этого не ценит. Я бы сейчас многое отдал за такие руки.

Ладно. Пусть спит. Завтра ему понадобится вся энергия,

какая есть. О-хо-хо, ночь-то почти прошла.

Так, просыпается, болезный. Занавес!

В: Ближе к утру просыпаюсь от странных звуков и далеко не сразу соображаю, что они доносятся из-под соседней лавки. Мягкий, но очень внятный сигнал мобильного, кажется, слышан по всему отстойнику. Кидаюсь коршуном, прижимаю проклятую вещь к животу, накрываю шапкой, зажимаю локтями, чтобы заглушить пиликание. Вызов длится, наверное, минуту, за которую я успел согреться и пропотеть. Видно, очень важные дела у человека, если в такую рань (а, кстати, сколько нынче? - ага, 4.50) вызывать Толика.

Я больше, чем уверен, что это незнакомый мне Зубов, но размышлять на эту тему не собираюсь. Вновь складываю шмотки в сумку, осторожно оглядываю окрестности из разных окон и, убедившись в полном безлюдии, покидаю промозглый вагон. Ноги ледяные, несмотря на общее нервное тепло, и я не просто бегу в сторону от состава, а высоко подпрыгиваю, стараясь ступать на носочки, размять пальцы, сделать на бегу некую гимнастику.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.